

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

*ТЫСЯЧА БЛАГОДАРНОСТЕЙ,
ДЖИВС!*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Эксклюзивная классика»

Pelham Grenville Wodehouse

MUCH OBLIGED, JEEVES!

Перевод с английского *Л. Мотылева, Л. Мотылевой*
Серийное оформление и компьютерный дизайн
Е. Фerez

Печатается с разрешения The Trustees of the
P. G. Wodehouse Estate и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 Тысяча благодарностей, Дживс! : [роман] /
Пелам Гренвилл Вудхаус ; [пер. с англ. Л. Моты-
лева, Л. Мотылевой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-104804-4

Каков главный кошмар жизни Берти Вустера? Разу-
меется, тетушки! Вот и на сей раз тетушка Даля прерва-
ла его безмятежное существование и затащила в сельское
имение — агитировать в глуши на выборах в пользу ста-
рого школьного приятеля по прозвищу Медяк. Однако и
это еще не все — в провинции на беднягу Берти немед-
ленно набросились с целью его окольцевать сразу две ба-
рышни. Трагедия неминуема... если, конечно, на помощь
не придет верный Дживс!..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1971

© Перевод. Л. Мотылев, 2017

© Перевод. Л. Мотылева, 2017

ISBN 978-5-17-104804-4

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Удобно усевшись за стол и приступив к яичнице с ветчиной, которую Дживс дал мне от щедрот своих, я испытывал, если можно так выразиться, странную экзальтацию. Обстановка казалась благоприятствующей. Я снова был в своей старой насиженной цитадели, и сама мысль, что я больше не увижу Тотли-Тауэрс, сэра Уоткина Бассета, его дочь Мадлен и, главное, презренного Спода, или лорда Сидкапа, как он теперь себя называет, действовала на меня, как средняя взрослая доза одного из тех общедоступных лекарств, которые поднимают общий тонус и вселяют в человека бодрость.

— Яичница, Дживс, — объедение, — сказал я. — Вкусней не бывает.

— Да, сэр?

— Без сомнения, эти яйца откладывали довольные жизнью несушки. И кофе отменный. Не премину пропеть хвалу и бекону. Скажите, вам не кажется, что со мной сегодня утром что-то творится?

— По-моему, вы в хорошем настроении, сэр.

— Да, Дживс, сегодня я чувствую себя счастливым.

— Очень рад это слышать, сэр.

— Можно сказать, я на седьмом небе, и радуга висит у меня через плечо.

— Прекрасное положение вещей, сэр.

— Помните то слово, начинается с «эй», я слышал, как вы иногда говорите его?

— Эйфория, сэр?

— Вот именно. У меня давно не было такого острого приступа эйфории. Я полон до краев витамином В. Хотя, конечно, как долго это продлится, неизвестно. Бывает, только развеселишься, а тут уже тучи начинают делать свое черное дело.

— Совершенно верно, сэр.

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.
Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым тронном.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот*.

— Вот именно, — согласился я, подумав, что сам не смог бы сказать складнее. — Всегда нужно быть готовым к перемене погоды. Но пока она не произошла, будь счастлив в полную меру.

* Уильям Шекспир. Сонет XXXIII. Перевод С. Маршака. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Абсолютно точно, сэр. *Carpe diem*^{*}, советовал римский поэт Гораций. Английский поэт Геррик выразил те же мысли и чувства, сказав, что «нужно розы рвать, пока они свежи». Ваш локоть в масленке, сэр.

— Ой, спасибо, Дживс.

Что ж, пока неплохо. Начало удачное. Но как вести повествование дальше, просто не знаю. Не представляю себе, как писать новую главу Истории Бертрама Вустера — а именно на это я собираюсь замахнуться, — не углубляясь в прошлое, не упоминая событий, случившихся в предыдущих главах, и не объясняя, кто есть кто и что, где, когда и почему произошло; но начни я объяснять все это, что скажут те читатели, которые идут со мной рука об руку с самого начала? Они закричат: «Старье!» или, как говорят французы: «*Déjà vu*»^{**}.

С другой стороны, я не должен забывать и о новичках. Нельзя допустить, чтобы бедолаги бились над решением ребусов. А то между нами может состояться примерно следующий обмен репликами:

А в т о р. Я почувствовал огромное облегчение, улизнув из Тотли-Тауэрс.

Н о в и ч о к. Что это, Тотли-Тауэрс?

А в т о р. Дело шло к тому, что мне придется жениться на Мадлен.

* *Лови день (лат.).*

** *Букв. «уже виденное» (фр.).*

Н о в и ч о к. Кто это — Мадлен?

А в т о р. Понимаете, Гасси Финк-Ноттл сбежал с кухаркой.

Н о в и ч о к. Кто это — Гасси Финк-Ноттл?

А в т о р. Но, к счастью, поблизости оказался Спод и перехватил ее, чем спас меня от эшафота.

Н о в и ч о к. Кто это — Спод?

Сами видите, положение безнадежное. Бестолковщина, одним словом. Я вижу единственный выход: попросить читателей со стажем отвлечься ненадолго, есть множество дел, которыми они могли бы заняться — помыть машину, разгадать кроссворд, выгулять собаку, — пока я введу в курс дела начинающих.

Короче говоря, в силу обстоятельств, о которых здесь нет нужды распространяться, Мадлен Бассет, дочь сэра Уоткина Бассета из Тотли-Тауэrsa, графство Глостершир, долгое время полагала, что я безнадежно в нее влюблен, и уведомила меня, что если ей когда-нибудь представится случай дать своему нареченному Гасси Финк-Ноттлу от ворот поворот, она выйдет за меня замуж. Такой поворот нисколько меня не устраивал, ведь хотя я и сознавал, что она писаная красавица, она отвращала меня тем, что была сладко-слезливой барышней, звезды на небе считала божьими цветочками и верила, будто всякий раз, как высморкается фея, на свет появится младенец. А это, как вы

сами понимаете, последнее, что захочешь иметь у себя в доме.

Так вот, когда Гасси неожиданно сбежал с кухаркой, казалось, что Бертраму уже недолго осталось гулять на свободе. Если девушка думает, что вы в нее влюблены, и выражает желание выйти за вас замуж, не скажете же вы ей, что с большей радостью сдохнете в канаве. Конечно, это при условии, что вы, как говорится, истый *preux chevalier*^{*}, а быть таковым я всегда стремлюсь.

Но в тот момент, когда я уже был готов надеть терновый венец, вдруг, как я сказал, появился Спод, теперь живущий под именем лорда Сидкапа. Он давно любил ее за одухотворенность, но все не мог собраться об этом сказать, и теперь, когда он объяснился, они тут же спелись. Возможно, сознание того, что она нашла себе пару и больше не представляет угрозы, было важнейшей составляющей моей теперешней эйфории.

Надеюсь, после этих разъяснений все стало ясно и дураку. Итак, продолжим. На чем мы остановились? Ах, я сказал Дживсу, что пребываю на седьмом небе и радуга висит у меня через плечо, но усомнился в том, что это продлится долго, и оказался прав: не успел я дважды поднести вилку ко рту, как жизнь дала мне почувствовать, что она не сладкозвучная песня, а цепь колдобин и суровых испытаний.

^{*} Истинный рыцарь (*фр.*).

— Мне показалось, Дживс, — завел я досужий разговор, потягивая кофе, — или действительно сегодня утром, когда с меня спала пелена сна, я слышал стук вашей пишущей машинки?

— Да, сэр. Я кое-что сочинял.

— Письмо Чарли Силверсмицу по долгу родства или, может быть, стихи в духе того чудака, который призывал срывать розы?

Чарли Силверсмитом звали его дядю, который служил дворецким в Деверил-Холле, где в свое время мы так мило гостили.

— Ни то ни другое, сэр. Я записывал недавние события в Тотли-Тауэрс для клубной книги.

Здесь — вот ведь незадача! — я снова должен попросить читателей-ветеранов отвлечься, пока я буду растолковывать, что к чему, новобранцам.

Дживс, да будет вам известно (это я уже обращаюсь к новобранцам), состоит в клубе дворецких и камердинеров, расположенном в районе Керзон-стрит, а каждый член этого клуба, согласно уставу, обязан заносить в клубную книгу самые свежие сведения о своем хозяине, чтобы желающие найти место, ознакомившись с ними, могли знать, что их ждет. Решивший наняться на работу член клуба заглядывает в клубную книгу, и если выясняется, что интересующий его джентльмен каждое утро оставляет на крыльце крошки для птиц и регулярно спасает золотоволосых детей, бросаясь под колеса ав-

томобилей, то все в порядке, и он соглашается на работу без колебаний. Если же выясняется, что предполагаемый хозяин частенько пинает голодных собак и по утрам запускает овсянкой в прислугу, то искатель места вовремя получает предупреждение, что надо держаться от такого субъекта подальше.

Очевидно, рациональное зерно во всем этом есть, но, по-моему, такая книга — это бомба замедленного действия и она должна быть запрещена. Дживс сказал, что одиннадцать страниц в ней посвящены мне; а как отреагирует тетя Агата, спросил я, попади книга ей в руки, ведь я у нее и так на плохом счету? Она уже высказывалась обо мне напрямик несколько лет назад, когда я был найден в спальне с двадцатью тремя кошками, — можно подумать, мне их общество было в радость! — и еще раз, когда я был обвинен — как вы понимаете, облыжно — в том, что бросил на острове посреди озера члена кабинета министров А. Б. Филмора. Какой же простор дадут ее красноречию мои злоключения в Тотли-Тауэрс! «Воображение просто пасует, Дживс», — сказал я.

На это Дживс заявил, что книга не попадет в руки тете Агате: вряд ли она заглянет в «Ганимед» — так называется клуб, — и поэтому нечего, мол, беспокоиться. Его доводы казались убедительными, и ему более или менее удалось унять мой трепет, но все-таки я не мог избавиться от

чувства беспокойства, и, когда я обратился к нему, мой голос дрожал от волнения.

— Боже мой! — выпалил я, если слово «выпалил» сюда подходит. — Неужели вы действительно собираетесь записать события в Тотли?

— Да, сэр.

— И как меня подозревали в краже янтарной статуэтки у старика Бассета?

— Да, сэр.

— И что я провел ночь в тюремной камере? Нельзя ли без этого обойтись? Почему бы не предоставить мертвому прошлому погребать своих мертвецов? Почему бы не предать все это забвению?

— Это невозможно, сэр.

— Почему невозможно? Не говорите мне, что вы ничего не забываете. Ваша голова не бездонная бочка.

Я думал, что положил его на лопатки, но не тут-то было.

— Как член клуба, я не имею права оказать вам эту услугу. Пункты устава, касающиеся клубной книги, очень строги, и за неподачу сведений установлено суровое наказание. Известны прецеденты, когда провинившихся исключали.

— Понимаю, — сказал я. Я вполне сознавал, что он раздираем противоречием: вассальная приверженность побуждала его служить молодому хозяину верой и правдой, в то время как

естественное нежелание вылететь из горячо любимого клуба подталкивало его отмахнуться от хозяйских терзаний. Ситуация, как мне казалось, вынуждала искать компромисс.

— Не могли бы вы тогда как-то подретушировать свой рассказ? Выкинуть парочку наиболее смачных эпизодов?

— Боюсь, что нет, сэр. От нас требуют полного отчета. Комитет на этом настаивает.

Думаю, я погорячился, когда выразил пожелание, чтобы члены его проклятого комитета поскользнулись на банановой кожуре и свернули себе шеи, потому что, как мне показалось, по его лицу скользнула тень страдания. Но он умел уважать чужое мнение и простил мне этот выпад.

— Понимаю ваши чувства, сэр. Но поставьте себя на место членов комитета. Клубная книга — исторический документ. Она существует уже более восьмидесяти лет.

— Тогда она должна быть величиной с дом.

— Нет, сэр, она состоит из отдельных томов. Записи в последнем ведутся уже около двенадцати лет. И нужно помнить, что не всякий хозяин заслуживает того, чтобы много о нем писать.

— Заслуживает?!

— Я хотел сказать: дает к этому повод. Как правило, нескольких строк бывает достаточно. Ваши восемнадцать страниц — исключение.

— Восемнадцать? Я думал, что одиннадцать.

— Вы забываете про мой отчет о ваших злоключениях в Тотли-Тауэрс, который я уже почти закончил. Предвижу, что он займет примерно семь страниц. Позвольте, сэр, я похлопаю вас по спине.

Он вызвался оказать мне эту любезность, потому что я поперхнулся глотком кофе. Хватило нескольких похлопываний, чтобы я пришел в себя и почувствовал, что разгневан не на шутку, как это бывает всякий раз, когда речь заходит о его литературной работе. Восемнадцать страниц, — как вам это! — и на каждой уйма таких фактов, которые, всплыви они наружу, отправят на дно мою репутацию. Я испытывал сильное желание отдубасить тех, кто все это выдумал, и в моем голосе зазвучал благородный гнев.

— Ужасно. Просто ужасно. Знаете, чему ваш проклятый комитет способствует? Шантажу, вот чему. Представьте, что книга попала в руки недостойного человека. Чем это может кончиться? Полным крахом репутации, Дживс.

Выпрямился он в этот момент или нет, я не знаю: я зажег сигарету и не видел, — но он заговорил ледяным тоном, каким говорят, когда вытянутся во весь рост:

— Среди членов клуба «Ганимед» нет недостойных людей.

Я запротестовал:

— Это вы так думаете. А как же Бринкли? — спросил я. — Он ведь член клуба?

Этот Бринкли поступил ко мне на службу несколько лет назад по рекомендации агентства, когда наши пути с Дживсом ненадолго разошлись из-за того, что он не одобрял моего увлечения игрой на банджолайке.

— Провинциальный член, сэр. Он редко появляется в клубе. Кстати, сэр, его фамилия не Бринкли, а Бингли.

Я раздраженно отмахнулся мундштуком. Бринкли он или Бингли — погоды не делало.

— Как его зовут, не суть важно, Дживс. А важно, что, отлучившись из дома в свое свободное время, он вернулся в состоянии сильного опьянения, поджег дом и пытался нашинковать меня, как кочан капусты.

— Очень неприятный инцидент, сэр.

— Услыхав шум, я спустился из своей комнаты и стал свидетелем его рукопашной схватки с напольными часами, которые, видно, чем-то ему не угодили. Потом он опрокинул лампу и бросился на меня по лестнице с саблей наголо. Только чудом я остался ныне здравствующим Бертрамом Вустером, воистину только чудом. А вы говорите, что среди членов клуба «Ганимед» нет недостойных людей. Ха! — сказал я. Я редко пользуюсь этим междометием, но сейчас не удержался.

Обстановка накалялась. Закипала обида, рвалось наружу недовольство. К счастью, в этот мо-

мент заверещал телефон и отвлек мое внимание. Дживс подошел к телефону.

— Миссис Траверс, сэ, — доложил он.

Глава 2

Я и сам уже догадался, что на проводе моя добрая почтенная тетушка Далия, имеющая привычку говорить по телефону с таким легочным напором, словно она американский свинопас, скликающий своих подопечных к кормушке на просторах Дикого Запада. Она обрела громкость еще в юности, когда часто ездила на псовую охоту. Представьте себе, что гончие то норовят попасть под копыта лошадей, то отвлекаются на погоню за кроликами, и вы поймете, что девушка на охоте быстро становится голосистой. Думаю, что когда тетя в голосе, ее слышно в соседних графствах.

Я с радостью подошел к телефону. Мало с кем из друзей и близких мне так приятно общаться, как с этой добродушной сестрой моего покойного отца, и к тому же мы давно не виделись. Она почти безвыездно живет в своем имении в окрестностях Маркет-Снодсбери, графство Вустершир, а я, о чем говорят и записи, только что сделанные Дживсом в клубной книге, в последнее время не приезжал в те края за недосугом. Я поднял трубку, весело улыбаясь. От моей улыбки, конечно,

не было проку — тетка все равно не могла ее видеть, — но ведь важен настрой, в конце концов.

— Привет, пожилая родственница.

— Привет, юное недоразумение. Ты не пьян?

Подозрение, что я могу быть под мухой в десять часов утра, естественно, уязвило мое самолюбие, но я в который раз сказал себе, что такой уж они народ, эти тетушки. Дайте мне тетушку, всегда говорю я, и я вам покажу пожилую даму, которую нимало не заботит, как глубоко ее *obiter dicta** могут оскорбить племянника. С подчеркнутой холодностью я успокоил ее относительно волновавшего ее вопроса и спросил, чем могу быть полезен.

— Пообедаете у меня?

— Я не в Лондоне. Я звоню из дому. Ты можешь, как ты выражаешься, быть полезен своим приездом ко мне. Сегодня, если у тебя получится.

— До чего приятно это слышать, старая пра-родительница. Ваше приглашение меня очень обрадовало, — сказал я, всегда готовый воспользоваться ее гостеприимством и вновь переведаться с бесподобными съедобностями, которые стряпает ее замечательный французский повар Анатоль, благодетель пищеварительных трактов. Я всегда жалею, что у меня нет запасного желудка, чтобы поручить и его заботам Анатоля. — Сколько я буду у вас гостить?

* Мимолетные замечания (*лат.*).